

Е.Н. НЕВЕДОМСКАЯ

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В ПРОЕКТЕ АНАРХИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА П.А. КРОПОТКИНА

Рассматриваются нравственные основания анархизма как условия свободного самоопределения и полноценного развития индивида.

The article considers the moral principles of anarchism as a prerequisite for independent self-determination and adequate development of personality.

Периодически обостряющийся интерес к программам социальной критики оформляется в теоретические исследования с самыми различными акцентами. Современные политические и экономические кризисы дают повод усомниться в преимуществах государственного устройства и продолжить поиски более совершенной формы организации общества. В связи с этим обращение к анархическим концепциям, представляющим собой последовательную критику идеи и феномена государства как ограничивающего (либо уничтожающего вовсе) субъективную свободу в самых важных экзистенциальных сферах, может оказаться достаточно продуктивным. Идеологи анархизма предлагают конструктивные варианты необходимых трансформаций. Расходящиеся во мнениях по многим вопросам (по отношению к праву, собственности, способам преобразований и т. д.), они не подвергают сомнению ценность человеческой свободы, понятой как ничем не ограниченное право на самоопределение, считая ее единственно надежной основой искомой социальной организации. Все аспекты программы заслуживают внимания, однако анализ статуса личности, участника социума, является наиболее перспективным для конструирования актуального и независимого представления о полноценном, морально состоявшемся субъекте, что, вероятно, позволило бы обнаружить новые возможности человека в деле реформирования общественного устройства. Самая репрезентативная в данном контексте концепция идеолога русского анархизма Петра Кропоткина, где нравственный аспект определяет итоговое ценностное значение каждого исследуемого феномена.

Кропоткин рассматривает анархизм в двух смыслах: как народное движение - революционное и практическое и как философское течение - одно из направлений философии права. В его учении речь идет о планируемых преобразованиях общества и о теоретическом обосновании их необходимости. Нужно отметить, что конечной целью анархистов является обнаружение такой формы социального устройства, которая обеспечивала бы «в данном обществе и, следовательно, в человечестве вообще наибольшую сумму счастья, а потому и наибольшую сумму жизненности¹».

Такой подход свидетельствует об этических (конкретнее - эвдемонистических) приоритетах анархической программы, демонстрирует принципиальный антидогматизм, непредвзятость позиции - речь идет о выборе наиболее адекватной социальной формы, подразумевает подвижность и «открытость» будущей системы, а также содержит претензию на универсальность искомого решения - нет различий между «данным обществом» и «человечеством вообще».

Кропоткин подчеркивает атрибутивность обществу способности к саморегуляции и настаивает на том, что государство, предполагающее власть, отделенную от народа, - «инородно», чуждо социуму. Поэтому в поисках ответа на вопрос о наиболее благоприятных формах организации Кропоткин обращается к различным моделям именно *анархического* мироустройства и основное внимание уделяет обоснованию его правомерности и необходимости. В этой связи отмечается, что анархические настроения актуализируются не случайно и не под влиянием каких-либо модных философских учений, а вследствие необходимости «дать коллективному народному творчеству полную свободу, чтобы народный гений мог свободно перестроить учреждения взаимной помощи и защиты, согласно новым потребностям и новым условиям существования»².

Отметим, что основные направления предлагаемых изменений - капитал, под которым анархисты подразумевают хозяйственную, экономическую сферу социального устройства, и государство, относимое к его политическому, правовому и идеологическому обеспечению: «Капитал и государство - два параллельно растущих организма, которые невозможны один без другого, и против которых поэтому нужно всегда бороться вместе - зараз против того и другого»³. Анархический коммунизм выступает в таком случае их наиболее приемлемой альтернативой. Однако в контексте нашего исследования целесообразно уделить основное внимание не различным репродуктивно-охранительным механизмам капиталистического государства и их аналогам анархистского типа, а анализу «духовного» основания предстоящих трансформаций, т. е. подлинной, свободной нравственности, и статуса личности в процессе и итоге реконструкции общества.

Именно нравственная составляющая общественного сознания выступает главным идеологическим и фактическим аргументом в концепции Кропоткина. Дело в том, что и анархические, и централистские тенденции одинаково присущи обществу на протяжении всей его истории. Основания для предпочтения антиэтатистских идей дает не столько несостоятельность государственного устройства как такового, сколько атрибутивные социуму и всей живой природе в целом слагаемые нравственности - Справедливость (Равенство), Взаимопомощь (Общительность) и Самопожертвование, несомнимые с государством. Остается открытым вопрос об исторической необходимости возникновения государственных властных структур: Кропоткин анализирует различные гипотезы и выделяет некую инвариантную схему, согласно которой отделяющаяся от народа власть осуществляет функции «поддержания равенства, мира и взаимной помощи»⁴. В то же время естественным состоянием догосударственного общества является не «война всех против всех», а мир и сотрудничество индивидов. В таком случае целесообразность создания каких-либо институтов для искусственного поддержания естественного состояния представляется весьма сомнительной. Автор концепции не очень убедительно ссылается на появляющуюся у некоторых людей «любовь к власти». Иными словами, проблема исторической

необходимости возникновения государства в концепции Кропоткина остается неразрешенной.

Достижению привлекательной с этической точки зрения цели - «счастье для всех» - в обществе, базирующемся на высокоморальных принципах - Справедливости, Взаимопомощи и Самопожертвования - государство препятствует тем, что игнорирует постулат равенства индивидов. Государство немыслимо без писаного закона, который, приходя на смену обычному праву, закрепляет личное неравенство. Кропоткин иллюстрирует это на примере законодательного ограничения обычая кровной мести с помощью установления экономического эквивалента человеческой жизни и здоровья. Даже при таком важном начинании государство посягает на важнейшую ценность правосудия - справедливость, назвав различные размеры компенсации для разных категорий населения. Важно, что принцип Равенства оказывается не только непременным условием «развития и поддержания нравственного уровня, необходимого для жизни в обществе», но и средством достижения «полного развития своей личности» для каждого человека⁵. Являющийся следствием легитимированного неравенства индивидуализм препятствует возникновению полноценной личности не только экономически, вынуждая использовать все имеющееся время для приобретения средств к существованию, но и юридически, обязав «не потрясать основ этого царства посредственности ни слишком едкой критикой, ни личным возмущением»⁶. Кстати, представители индивидуалистического анархизма (например, М. Штирнер, Д. Маккай) видят угрозу совершенному развитию личности отнюдь не в неравенстве, а как раз в обществе и государстве. Отметим, что хотя общество и выступает для Кропоткина некоей праструктурой, существовавшей не только до появления государства, но и до возникновения человека как современного биологического вида, пригодным для полноценного развития оно является не безусловно, а лишь при сохранении приоритета личной свободы перед иными целями и интересами. Сочетание свободы и равенства делает перспективным проявление «личной инициативы» в самых разнообразных сферах бытия, что, в свою очередь, способно обеспечить личную ответственность за все происходящее, тогда как современное мыслителю общество пробуждает в людях лишь желание «освободиться» от своих сограждан, предоставляя общие дела кому-нибудь третьему⁷.

Для идеолога анархизма равенство представляется хоть и естественным, но не наличным состоянием и нуждается в установлении. Средствами достижения равенства индивидов в обществе выступают революция и экспроприация, т. е. в высшей степени насильственные процедуры. Решение вопроса о допустимости насилия, как оно есть в коммунистическом анархизме, делает эту стратегию совершенно непривлекательной, а кроме того, нарушает и сам принцип равенства. Даже минимальное допущение физического насилия ведет к реальному уничтожению другого. Более того, сторонники анархокоммунизма допускают насилие в террористических целях: «Право прибегать к силе человечество признает за теми, кто завоевал это право. Для того, чтобы акт насилия произвел глубокое впечатление на умы, нужно всегда завоевать это право ценой своего прошлого. Иначе всякий акт насилия останется простым насилием, не имеющим влияния на прогресс человеческой мысли»⁸. Идея эксклюзивного права на насилие (для тех, кто его завоевал и защитил) несовместима с принципом равенства. Как бы не замечая этого, Кропоткин продолжает анализировать преимущества принципа равенства, сопряженного с идеей личной свободы.

Итогом предпочтения персональной свободы оказывается «общественное творчество», поскольку свободное развитие всех естественных человеческих возможностей означает развитие прежде всего «общественных склонностей и инстинктов взаимности». Действительно, речь идет об инстинктах общительности, взаимности, т. е. о неких доморальных образованиях, которыми еще только предстоит превратиться в персонально значимые нравственные принципы. Осуществляется это превращение в условиях

свободно сформированного социума (общины), не располагающего никакими средствами принуждения. Для того чтобы широко понимаемая персональная свобода не оказалась ущемленной, должны быть соблюдены три условия:

- не следует требовать от человека жить исключительно для общины;
- нельзя организовывать общину по типу «большой семьи»;
- не следует «герметизировать» общину - она должна иметь возможность вступать в союзы общин.

Собственно община как союз индивидов возникает для наиболее эффективного труда и реализации интересов участников. Анархисты полагают, что мораль в таком обществе не может носить репрессивный характер - ее нормы будут соответствовать личным нравственным установкам субъектов, поскольку членство в таком объединении сугубо добровольное и не регламентированное. Однако вряд ли можно утверждать, что совпадение экономических целей индивидов будет непременно означать совпадение их моральных приоритетов - чем пожертвует человек в ситуации диссонанса интересов, идеолог анархизма не прогнозирует, но в любом случае это должен быть сознательный выбор свободной личности. Идея «нерепрессивной» морали обуславливает при этом возможность действовать без боязни наказания как в форме физических санкций, так и общественного порицания.

Преобразование мироустройства на началах равенства и личной свободы, т. е. на основании анархического идеала, может совершиться лишь усилиями народными, «всем миром» - весь ценный опыт таких трансформаций приобретен благодаря безымянной толпе, а «так называемые руководители, герои и законодатели человечества ничего не внесли в течение истории, кроме того, что было уже выработано в обществе обычным правом»⁹. Теоретики анархизма настаивают на большом экономическом, политическом и юридическом потенциале обычая, предполагая его динамику, способность изменяться соответственно потребностям общества. Вероятно, с такой оценкой можно согласиться, если вести речь об обычаях как о регуляторе экономических отношений на очень небольшой, культурно однородной территории. Применительно к сфере моральной деятельности уместнее было бы говорить об индивидуальной этической рефлексии как определяющем факторе человеческих поступков.

Впрочем, и у анархистов эта идея получает свою интерпретацию. Действительно, следование лучшим образцам нравственности способно обеспечить стабильность, нормальное функционирование социума, но задачей является достижение динамичного, развивающегося, прогрессирующего социального устройства. Для этого необходимы моральное творчество, индивидуальные, персонально ответственные, уникальные решения - вот здесь реализуется субъективная свобода, появляется возможность осуществить себя как личность, а не просто как носителя идеи равенства и инстинкта общительности.

Проблема статуса индивида в социуме и его «юрисдикции» довольно тщательно разрабатывается в анархистских теориях: какова сфера применения субъективной свободы, на что способен человек, каковы его полномочия, что он может (и должен ли) предложить согражданам за их помощь, за персональную пользу от коллективного труда.

Достойным (и общественно полезным) итогом нравственного становления личности выступает способность к самопожертвованию. Имеет место заимствованная у М. Гюйо интерпретация «долга» как уникального случая совпадения субъективно возможного и необходимого: «Чувствовать свою силу и возможность сделать что-нибудь другому или людям вообще и знать вместе с тем, что такое действие оправдывается разумом, само по себе есть уже обязательство именно так поступить. Его мы и называем "долгом"»¹⁰.

Целесообразность общественно важного поступка делает «жертвование» почти что радостным для индивида, во всяком случае лишает его тра-

гедийности, болезненности. Кроме того, человек отдает то, с чем и так намерен расстаться: по мнению Кропоткина, есть люди, готовые дарить, раздавать себя, свою энергию, любовь, мысли. Такие люди расточают, растрачивают себя, не желая награды, признания, благодарности. Они творчески изживают себя, и это дает им ощущение полноты жизни.

Автор утверждает, что поступать подобным образом человека вынуждает правильно понятая забота о благе общества, а также отмечает, что индивид, избавленный от страха наказания, следует собственному порядку, своей имманентной цели, собственному сознательно выбранному маршруту.

Самопожертвование оказывается «востребованным» не только как фактор прогресса, движения к обществу всеобщего благосостояния и счастья, но и как знак, как симптом необходимости преобразований и готовности к их осуществлению даже ценою жизни. Переустройство общества одному гражданину не под силу (нужен всеобщий бунт, мятеж), но пробудить общественное сознание, показать необходимость изменений человек вполне способен самостоятельно, примером личного возмущения, протеста. Это его моральная, гуманистическая задача.

Нравственная суть анархических преобразований в том, чтобы достичь счастья для *всех*, не ущемляя свободы *каждого*, в отсутствие государства, которое на самом деле дает лишь иллюзию сбалансированности и гарантированности интересов. Именно государство «деформирует» личность - с помощью закона, церкви и капиталистического хозяйствования оно подменяет реальную атрибутивную субъекту свободу вымышленными номинальными «правами гражданина», тем самым помещая человека в жесткие рамки политических и экономических ролей. Свободное самоопределение и полноценное развитие индивида возможно лишь в «соразмерном» ему обществе, создание и существование которого целиком зависит от самого этого индивида - от того, в какой мере ему удалось развить в себе первоначальные «нравственные привычки и инстинкты» до высоких моральных принципов справедливости и самоотверженности.

¹ Кропоткин П.А. Современная наука и анархия. М., 1990. С. 283.

² Там же. С. 247.

³ Там же. С. 490.

⁴ Там же. С. 246.

⁵ Там же. С. 324-325.

⁶ Там же. С. 325.

⁷ Там же. С. 479.

⁸ Кропоткин П. А. Нравственные начала анархизма // Кропоткин П. Этика. М., 1991. С. 303.

⁹ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 277.

¹⁰ См.: Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность // Кропоткин П. Этика. М., 1991. С. 276.

Поступила в редакцию 27.06.06.

Елена Николаевна Неведомская - юристконсульт ЧУП «Промикс Трейт».